

После возвращения из центрального парка района Наньчэн Цзи Янь перестал разговаривать с Хэ Чжэньпином. Это было не столько намеренным отстранением, сколько следствием того, что его просто достала назойливость, из-за чего неприязнь Цзи Яня к Хэ Чжэньпину достигла пика.

Всю дорогу Хэ Чжэньпин болтал без умолку, умоляя Цзи Яня рассказать, как завоевать сердце мужчины и что сделать, чтобы понравиться ему. Он настаивал на том, чтобы Цзи Янь дал ему советы, и даже расспрашивал, как в своё время майор Фу Хэнмо добился расположения Цзи Яня.

Однако, как только зашла речь о майоре Фу, лицо Цзи Яня сразу же потемнело, выражение стало настолько мрачным, что Хэ Чжэньпин даже испугался. Сердце у него чуть не выпрыгнуло из груди, и он больше не осмеливался продолжать.

Но Хэ Чжэньпин обладал не только невероятно толстой кожей, но и мастерски умел приставать. Вместо того чтобы вернуться в свой новый комфортабельный дом, он упорно влез в старый и ветхий дом Цзи Яня, поселившись там. Это действовало на Гу Сюаня настолько раздражающе, что тот каждый день ходил с мрачным лицом, с глазами, полными злобы, и, казалось, был готов живьем съесть этого типа.

Цзи Янь при всём своём резком языке был добрым человеком. Видя, что Хэ Чжэньпин уже несколько дней настойчиво остаётся, и его не выгнать, он начал терять терпение, его острые углы и вспыльчивость постепенно сгладились.

— Ты что, правда любишь мужчин?

— Я люблю Су Цзэ.

— Чёрт возьми, Су Цзэ — мужчина.

— Ну, значит, я люблю мужчин.

— ...

Чёрт! Цзи Янь смирился. Друга уже не выпрямишь.

После того как Хэ Чжэньпин настоял на том, чтобы остаться, он продолжал ходить на работу, но каждый день выглядел подавленным и вялым. После работы он возвращался с тучей на лбу, и когда Цзи Янь спрашивал его, он лишь горько улыбался, отделяваясь парой слов. Но как только Цзи Янь упоминал Су Цзэ, Хэ Чжэньпин словно оживал, снова начиная приставать с просьбами дать совет.

Цзи Янь думал: учитывая характер Су Цзэ — холодного и брезгливого, — если он действительно сможет принять Хэ Чжэньпина, то это будет настоящим чудом, и солнце точно взойдёт с запада.

Что касается ночей, то Гу Сюань и Фу Ань спали в одной комнате, а Цзи Янь и Хэ Чжэньпин, два взрослых мужчины, устраивались как могли. В другой комнате стояли раскладушка и диван, на которых они спали по очереди. Иногда Хэ Чжэньпин просто пристраивался рядом с Цзи Янем, как это было раньше в армии, и Цзи Янь не возражал.

Но Гу Сюань, видя это, приходил в ярость, ревновал и ночью тайком сталкивал Хэ Чжэньпина на пол, так что тот несколько раз просыпался на полу.

В конце весны — начале лета Хэ Чжэньпин начал шмыгать носом и простудился, но Гу Сюань сохранял невозмутимость.

Однажды вечером, когда Гу Сюань собрался встать, чтобы сходить в туалет, он снова почувствовал запах алкоголя. В душе вспыхнуло недовольство: эти двое снова пили ночью.

Цзи Янь и Хэ Чжэньпин сидели на диване, пили прямо из горлышка, каждый держал свою бутылку, и в полусонном состоянии перебрасывались редкими фразами. Гу Сюань заинтересовался их разговором и тихо подошёл ближе.

Хэ Чжэньпин потряс головой, его затуманенный взгляд стал немного яснее:

— Эй, Цзи Цзи, я хочу спросить тебя кое о чём. Отвечай честно.

— Говори, если есть что, — раздражённо ответил Цзи Янь.

— Ты... — Хэ Чжэньпин на мгновение замолчал, но, поддавшись хмелю, всё же задал смелый вопрос, — Ты вообще когда-нибудь любил Фу Хэнмо?

В тот же миг Гу Сюань замер, на мгновение потеряв дар речи. Он смотрел на спину Цзи Яня, втайне надеясь на что-то.

— ... — Цзи Янь тоже оцепенел, в груди стало тяжело, и он резко ответил. — Любил твою башку! Конечно, нет.

Эти слова звучали так уверенно и раздражающе, что Гу Сюань невольно сжал кулаки, стараясь игнорировать нахлынувшее чувство разочарования.

Затем он сразу потерял интерес и повернулся, чтобы уйти в комнату, поэтому не услышал, что Цзи Янь сказал дальше...

— Но...

— Но что? — Хэ Чжэньпин, воспользовавшись моментом, взял бутылку и сделал большой глоток.

— Не то чтобы совсем без чувств, — тихо пробормотал Цзи Янь, и в его голосе вдруг появилась непонятная пронизательность.

— Кх... кх... кхх... — Хэ Чжэньпин поставил бутылку. Он был настолько удивлён, что поперхнулся собственной слюной и чуть не задохнулся от кашля. — Что?! Я... я не ослышался?

— Чёрт! — Цзи Янь возмутился, и лицо его покраснело. — Даже деревянного человека, если его грахать четыре-пять лет, начнёшь любить, а я ведь не деревянный!

Вот так, он сказал это с уверенным видом, как нечто само собой разумеющееся.

— Пффф... — Хэ Чжэньпин снова не сдержался и рассмеялся.

— Ты чёртов идиот! Чего ржёшь? Ещё раз засмеёшься — сворачивай свои вещи и проваливай!

— Цзи Янь, покраснев от злости, закричал.

— Цзи... Цзи Цзи, уня гнев, прошу! Я виноват, виноват, — начал умолять Хэ Чжэньпин, но всё же не мог скрыть улыбки, его красивое лицо снова озарила нахальная ухмылка. — Так что из-

за этого ты и согласился воспитывать маленького Фу Аня?

Цзи Янь бросил на него холодный взгляд:

— Это совсем другое дело.

На следующий день, когда Цзи Янь ещё не отошёл от похмелья, Хэ Чжэньпин незаметно сам ушёл из их дома. Несколько дней он больше не приставал к Цзи Яню.

Цзи Янь звонил ему, но тот либо сбрасывал звонок, либо телефон был выключен. Цзи Янь пошёл к нему домой, но его там не было. Хозяйка квартиры тоже не знала, где он, и лишь злилась, приговаривая, что выгонит его, если он не заплатит за аренду. Узнав адрес охранной компании, где работал Хэ Чжэньпин, Цзи Янь отправился туда узнать, как дела, но выяснилось, что его уволили ещё несколько недель назад...

Он не пошёл и к Хэ Си. Тётушка Чжао, узнав об этом, тоже забеспокоилась, но Цзи Янь сам успокоил её и Хэ Си.

В больнице Шэнда, где работал Су Цзэ, Цзи Яню наконец удалось его увидеть, но Су Цзэ лишь холодно покачал головой:

— Не знаю. Дела.

— Чёрт! Этот болван так сильно тебя любит, ты в курсе? — Цзи Янь, не выдержав, крикнул.

— ...

Су Цзэ предпочёл проигнорировать его, развернулся и ушёл, став ещё холоднее.

В общем, Цзи Янь внезапно потерял всякую связь с Хэ Чжэньпином. Тот действительно исчез.

За неделю никаких плохих новостей не поступило, жизнь всех шла своим чередом, и семья Цзи Яня тоже. Но он всё же беспокоился о Хэ Чжэньпине и просил окружающих немедленно связываться с ним, если кто-то увидит его. Он всячески пытался разыскать Хэ Чжэньпина, своего верного друга.

— А Янь, не переживай так сильно. Дядя Пин — хороший человек, с ним всё будет хорошо.

Детская интуиция иногда бывает очень острой. Маленький Фу Ань, видя, что Цзи Янь в последнее время выглядит подавленным и всё больше хуеет, несколько раз утешал его и даже напевал ему песенки своим сладким голоском.

На самом деле это научил его Гу Сюань, который переживал за Цзи Яня больше всех.

— Этот человек просто дурак, а дуракам везёт, — сказал Гу Сюань, больше он ничего не смог добавить.

— Да, интуиция подсказывает, что он пока не умрёт, — Цзи Янь с трудом вымучил улыбку, пытаясь утешить себя.

Началось лето, на деревьях запели цикады, дети в детском саду начали носить яркие шорты и юбки, особенно девочки, которые, надев красивые платья, весь день смеялись. Гу Сюань и Лоу Сяочао тоже переоделись в летние белые рубашки, и всё школьное подворье выглядело свежо и прохладно.

Однако Цзи Янь по-прежнему носил одежду с длинными рукавами и длинные брюки, полностью закрывая руки и ноги. Гу Сюаню это показалось странным: он не помнил, чтобы Цзи Янь так мёрз. Раньше в армии он всегда ходил в майке. Возможно, за последние год-два его здоровье пошатнулось.

На работе у Цзи Яня и Чжу Дафа их частный работодатель босс Фэн вернулся из командировки и привёз с собой важного «крупного клиента». Затем он, видимо, отдал какие-то распоряжения начальнику охраны, и тот, с серьёзным видом, назначил несколько групп для патрулирования подземных торговых центров в конце улицы Сицзе.

<http://bllate.org/book/16574/1513586>